

Мария Сабунаева

КТО Я ЕСТЬ: от пола и роли – к квир

Мария Сабунаева

КТО Я ЕСТЬ: от пола и роли – к квир

Санкт-Петербург
2018

«ЛГБТ-группа “Выход”» признана Минюстом
незарегистрированным общественным объединением,
выполняющим функции иностранного агента

Кто я есть: от пола и роли – к квин. - Мария Сабунаева,
СПб., 2018. - 32 с.

Благодарности:

я очень благодарна тем семи открытым и мудрым людям, которые откликнулись на мой призыв и поделились для этой брошюры своими историями. Поделиться личной историей это очень важная практика изменения социальной реальности!

Мария Сабунаева

«Кто я есть?» – это вопрос, который направлен на самоопределение идентичности. Поиск себя в мире, поиск подходящих себе групп людей, поиск внутренней опоры – все это приходит к нам в определенный момент развития. Пик становления идентичности – юношеский возраст, начинающийся примерно в 16–17 лет и длящийся, по разным классификациям, до 25–30 лет. Именно в это время нам так важно понять – кто мы, однако это не значит, что дальнейшие процессы самоидентификации останавливаются – мы можем менять представление о себе и понимание себя в любом возрасте.

Особо сложным вопрос самоидентификации оказывается для тех, чье самоопределение связано со стигматизированными (угнетенными) группами. На пути становления сексуальной и гендерной идентичности ЛГБТИК-люди сталкиваются с внутренней гомофобией, трансфобией и иными сложностями самопринятия, связанными с их уязвимым положением в социуме. Однако в данных ситуациях формирование идентичности становится еще более важным, потому что оно дает опору людям, которые могут быть отвергнуты в широком обществе: есть «своя» группа, есть, с кем себя идентифицировать, есть варианты самоопределения.

Здесь мы подходим к основной теме нашей брошюры: в каких категориях мы определяем себя, почему выбираем именно их и что это нам дает. Кроме того, есть еще и категории, которыми нас определяют извне, и они могут отличаться, и в этой точке возникают непонимания самого разного рода. Приведем пример: юрист дружественной к ЛГБТ-людям организации употребляет в своей речи термин «нетрадиционная сексуальная ориентация», что вызывает сложности у активистов ЛГБТ-организации, не употребляющих этот термин и считающих его некорректным. В то же время юрист просто использует оборот в том виде, в котором он входит в закон «о пропаганде», то есть опирается на терминологию,

зафиксированную в законодательстве, – что обычно и делают юристы.

Откуда берется такое количество слов и терминов о сексуальной и гендерной идентичности? Почему их все время оказывается мало и появляются новые? Почему в законах используются термины, которые считаются некорректными самими людьми, которых эти термины описывают? Почему мы сами считаем что-то корректным, а что-то нет? В каких категориях я могу себя определять, нормально ли менять самоопределение и называть себя по-другому? Нормально ли иметь несколько самоопределений? Почему некоторым нужно много слов для определения себя, а другим достаточно одного? Что будет зависеть от моего самоопределения?

Мы попробуем дать ответы на эти вопросы, анализируя ход развития гендерных знаний и представлений в обществе. Во второй части брошюры будет приведено несколько историй становления гендерной/сексуальной идентичности, на которые вы сможете взглянуть сквозь призму гендерных представлений разных уровней.

Мы будем употреблять термин «дискурс», который обозначает систему понятий, закрепленных в языке и речи и отражающих определенное понимание устройства мира или каких-то его аспектов. Гендерные представления развиваются от одного дискурса к другому: меняется наше представление о гендерном устройстве мира – меняется наш язык, меняется понимание нормы или не-нормы, возникают новые термины и определения, новые названия идентичностей и практик. Давайте рассмотрим, как сменяли друг друга три дискурса, описывающих разные системы гендерных представлений: **полоролевой (гетеронормативный), ЛГБТ и квир-дискурс.**

ПОЛОРОЛЕВОЙ (ГЕТЕРОНОРМАТИВНЫЙ) ДИСКУРС

Когда-то в раннюю пору жизни человечества нам очень нужно было выжить. Максимальная длительность жизни человека в первобытно-общинном строе не превышала 26–30 лет, детская смертность была исключительно высокой, нужно было успеть размножиться, выходить максимум детей, и на этом закончить жизнь. Поскольку основной задачей в таком контексте было рождение детей, то неудивительно, что произошло разделение ролей в соответствии с полом. Это было в некотором роде вопросом выживания.

К сожалению, это разделение стало в итоге основой доминирующей формы социальной организации – патриархата – где мужчина является носителем политической власти, осуществляет контроль за собственностью, а женщины и дети также рассматриваются как собственность, подлежащая контролю. Патриархату бросают вызов современные социальные движения: все направления феминизма, ЛГБТ-активизм, квир-активизм, но все они появились в истории значительно позже, чем разделение ролей в соответствии с полом, только в XIX–XX веке. Полоролевоый дискурс является средством поддержания патриархата, что можно увидеть, рассмотрев основные его характеристики:

Понимание гендерной идентичности: на уровне полоролевого дискурса в понимании вопросов пола еще нет идей какого-либо «гендера», термин появляется значительно позже. Вместо этого в какой-то момент начинает использоваться понятие «половая роль», позже – «полоролевоый идентичность». Представления о поле сугубо бинарны: есть мужчины и женщины, мальчики и девочки. Есть наборы «женских» и «мужских» качеств, которые нужно прививать с младенчества, то есть формировать «правильную половую роль». Если говорить о нашей стране, то благодаря принятию в СССР МКБ-9 (это означает, что страна присоединилась к мировой системе классификации болезней, представленной Всемирной организацией здравоохранения) в начале 1980-х годов в СССР

появляется диагноз «транссексуализм», что является определенным прогрессом в признании возможностей расхождения «половой идентичности» и паспортного пола – ведь до этого единственной интерпретацией такого расхождения был диагноз «шизофрения». Первый же раз термин «транссексуализм» был употреблен М. Хиршфельдом в 1910 году.

Понимание сексуальной идентичности: понятия «сексуальная идентичность» еще не существует, поскольку все люди по умолчанию представляются гетеросексуальными, а любые вариации сексуальной ориентации являются ненормальными и подлежат коррекции либо идентифицируются как преступления (статья 121 УК РСФСР за «мужеложство»). При наличии единственной «правильной» сексуальной идентичности нет необходимости даже выделять такой термин; просто всем по умолчанию очевидно, что «нормально быть гетеросексуальным». Бисексуальность невидима в принципе, даже термин «бисексуализм» почти не используется (так как в бисексуальности видна только «негативная» – гомосексуальная – сторона, преследоваться будет именно «гомосексуализм»).

Представление о семье: «традиционное». В качестве «нормальной семьи» рассматривается семья из матери-женщины, отца-мужчины и хотя бы одного либо более детей. Отношения моногамные. Разводы более или менее допустимы в разных культурах, но в любом случае не одобряются. Брак должен быть заключен, в зависимости от культуры, – религиозный или юридический. Аборты не поддерживаются, хотя могут быть законодательно допустимы. Наличие детей необходимо, отсутствие детей в семье определяется как проблема. Концепт однополрой семьи недопустим, связан с идеями разврата, опасности для детей, безнравственности; в ряде стран и культур однополые союзы преследуются.

Способ мыслить: бинарный. Бинарное мышление подразумевает наличие только двух вариантов: хорошее или плохое,

черное или белое, нормальное или ненормальное, гетеросексуальное (нормальное) или гомосексуальное (ненормальное).

Отношение к новым знаниям о поле: предубежденное. Бинарное мышление в любой области знания имеет ограничение, мешающее ее развитию: человек убежден, что есть нечто «верное» и «неверное», и не считает необходимым узнавать об этом что-то еще; ему кажется, что все уже известно.

Используемые термины и слова: термины типа «гомосексуалист» и «транссексуализм» (поскольку все это было обозначениями «отклонений», то фигурируют суффиксы -изм, -ист, характерные для обозначения болезней и дисфункций), содомит (и остальные ругательства и негативные ярлыки, так как в этом подходе просто нет слов и терминов, обозначающих феномены гендерной и сексуальной идентичности хотя бы просто нейтрально), может использоваться термин «сексуальная ориентация», но исключительно в медицинском или юридическом ключе, чтобы определить «отклонение» – термин «нетрадиционная сексуальная ориентация» также будет относиться сюда, что и объясняет негативную реакцию ЛГБТ-активистов в примере, приведенном во вступлении к этому тексту.

Права сексуальных меньшинств: такой концепт отсутствует в принципе. Распространена в обществе, политически поддерживается и не пресекается риторика о необходимости убить, уничтожить, подчинить, загнать в резервации людей, «отклоняющихся от нормы» в контексте сексуальной и гендерной идентичности. Ярким образцом проявления гетеронормативного дискурса в России является «закон о пропаганде»: ст. 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» фиксирует наложение административного штрафа на граждан, а также административного штрафа или административного приостановления деятельности для юридических лиц в случае, когда имеется «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившаяся в распространении

информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям».

Картина мира полоролевого (гетеронормативного) дискурса внешне является очень понятной и потому для многих привлекательной. Однако, как можно понять, она совершенно не допускает вариаций, и с накоплением количества людей, не вмещающихся в рамки полоролевого подхода, стала очевидной необходимость дополнять картину мира.

ЛГБТ-ДИСКУРС

1960-е годы XX века известны на Западе как время «сексуальной революции». Революция наступила, поскольку имеющаяся в распоряжении людей гетеронормативная/полоролевая модель перестала вмещать в себя разнообразие проявлений человеческой сексуальности, активно развиваются исследования сексуальности (Альфред Кинси и другие). Появляется термин «гендер».

Характеристики ЛГБТ-дискурса:

Понимание гендерной идентичности: появляется само понятие «гендерная идентичность», становится понятно, что гендер – это конструкт, гендерная идентичность конструируется и может иметь вариации (быть «женщиной» в Саудовской Аравии или в Швеции – это совершенно разные гендерные идентичности). Появляется понятие трансгендерности как зонтичный термин для вариаций несовпадения гендерной идентичности и биологического пола.

Понимание сексуальной идентичности: появляется понятие «сексуальная идентичность», которое обозначает самоопределение относительно сексуальной ориентации. Нормализуется спектр сексуальных ориентаций: гетеросексуальная, бисексуальная, гомосексуальная. Появляется термин «внутренняя гомофобия», используемый для определения ситуации, когда из-за внешнего социального давления («внешней/институционализированной гомофобии») существуют затруднения в самопринятии своей сексуальной идентичности и полноценном ее становлении. Ведутся активные исследования факторов формирования той или иной сексуальной ориентации, ЛГБТ-активистами используется подход «мы рождены такими», который имеет ряд доказательств (но полностью не доказан) и позволяет добиваться политических целей.

Представление о семье: расширяется спектр представлений, возникает представление об однополых семьях, ведутся дис-

куссии об однополых браках, усыновлении детей в однополых семьях. Концепт однополрой семьи строится по образцу гетеро-семьи: это семья, желающая того же, чего и гетеро-семьи, в ней также хотят иметь и воспитывать детей. В основном под-держивается моногамия и моногамные отношения.

Способ мыслить: бинарный расширенный. Можно видеть, что ЛГБТ-подход является расширенной моделью предыдущего подхода: несмотря на нормализацию сексуальных ориентаций, их остается три вариации (при этом бисексуальная является как бы смешением двух других, то есть по факту ориентаций две плюс их смешанный вариант); существует противопоставление цисгендерных и трансгендерных людей, последним желательно определить свою гендерную идентичность и ее придерживаться.

Отношение к новым знаниям о поле, гендере, сексуальности: заинтересованное. ЛГБТ-подход является продуктом прорыва в знаниях и сохраняет в себе высокую потребность в получении новых знаний, активно развивается направление ЛГБТ-исследований.

Используемые термины и слова: в связи со взрывом научных знаний о сексуальности и гендере, а также с активным развитием ЛГБТ-движения появляется огромное количество новых понятий, а некоторые понятия корректируются или теряют свою негативную окраску. Нормальными определениями идентичности становятся слова «гей», «лесбиянка», «бисексуал/на», в русском языке уходят суффиксы «-изм» и «-ист», становится корректно говорить «гомосексуальность», «бисексуальность». Появляется и активно используется аббревиатура ЛГБТ, а также уже перечисленные «внутренняя/интернализированная гомофобия», «внешняя/институционализированная гомофобия», «однополый брак», «однополая семья» и другие.

Права сексуальных меньшинств: Становятся яркой политической темой. Происходит борьба за видимость и за доступ к

общечеловеческим правам, права ЛГБТ рассматриваются как права человека. Одним из видимых политических и социальных событий становятся прайды/гей-парады – вначале это мероприятия в оппозицию гетеронормативной системе, затем скорее яркие фестивали, поддерживающие и укрепляющие права ЛГБТ-меньшинств и их видимость в обществе.

ЛГБТ-подход позволил поставить и начать решать массу жизненно важных вопросов: видимости ЛГБТ-людей, равноправия, внутренней гомофобии, семьи и детства в ЛГБТ-сообществе, становления сексуальной и гендерной идентичности. Однако и у этого подхода был свой потолок, связанный с сохранением бинарного мышления, – а развитие гендерных представлений шло дальше, появлялись новые темы и новые вопросы, которые не вписывались в бинарный контекст.

КВИР-ДИСКУРС

Важными переходными понятиями к следующему уровню можно считать в первую очередь «интерсекс¹» и еще «пансексуальность».

Понятие **интерсекс-вариаций** как отсутствия возможности однозначно определить пол индивида на уровне организма «взламывает» бинарную систему мышления относительно сексуальности:

а) определение сексуальных ориентаций до этого момента строилось на разделении полов на два: мужской и женский, отсюда либо вы испытываете влечение к своему полу, либо к противоположному, либо к обоим. Но если пол не определим однозначно даже на биологическом уровне? Конечно, можно «отсчитывать» сексуальные ориентации от гендерной идентичности, но не все люди с интерсекс-вариациями готовы идентифицировать себя обязательно с мужским или женским полом (и имеют на это буквально биологическое право!).

б) определение трансгендерности также подразумевало, что вы находитесь либо в мужской гендерной идентичности, либо в женской, либо у вас присутствуют обе из них, либо вы иногда «играете» в «противоположную» идентичность – как можно видеть, сохраняется все та же двойственность, но при наличии интерсекс-вариации люди в любом случае не могут называться цисгендерами, потому что с какой же из предзаданных идентичностей может совпасть их физиологическая данность?

Все это продвигало гендерные представления в сторону расширения и понимания того, что картина мира не всегда может быть описана в бинарной рамке.

Пансексуальность как способность испытывать сексуальное, эмоциональное, романтическое или иное влечение к носителям любых сексуальных и гендерных идентичностей также сильно

¹ Интерсекс – вариации половых признаков у людей и животных, не вписывающиеся в бинарные представления о мужских и женских телах. С интерсекс-вариациями рождается до 2 % населения.

сдвинуло представления о сексуальных ориентациях в принципе, потому что проявило взаимосвязь пола, гендерной идентичности и сексуальной идентичности, что в предыдущем подходе было скорее разделено на разные направления.

В общем же и целом квир-дискурс является одновременно инструментом, продуктом и результатом активного развития гендерных исследований и появления нового направления – квир-исследований в 90-х годах XX века. Происходит разделение компонентов сексуальности и понимание, что все они могут сочетаться друг с другом в разных взаимосвязях: можно быть, например, асексуальным небинарным трансгендерным человеком, состоящим в полиаморном союзе, родившим ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Само понятие «квир» применительно к идентичности означает отказ определяться в рамках заданных вариаций и «соответствовать» чьим-либо гендерным ожиданиям. Важно также понимать, что квир-дискурс не «спорит» с предыдущим уровнем: все достижения предыдущего уровня сохраняются, все идентичности остаются возможными, происходит только расширение рамок без отрицания.

В квир-дискурсе рождаются примеры не только личной жизни, но и социальной политики, которые могут с трудом пониматься из ЛГБТ-дискурса и вообще не пониматься из гетеронормативного дискурса: от рождения детей трансгендерными мужчинами до шведской политики обращаться к детям в дошкольных учреждениях без использования местоимений, обозначающих род.

Еще одно важное продвижение: перестает быть корректным выяснение «почему вы такие?», вопрос ставится по-другому: как всем нам, носителям разных идентичностей, строить социальную реальность, которая сможет учесть неотвратимую вариативность наших самопрезентаций?

Рассмотрим характеристики квир-дискурса:

Понимание гендерной идентичности: гендерная идентичность рассматривается как перформанс, как выбор, как игра; имеется возможность любого самоопределения вне бинарной рамки. Широко используется самоопределение «небинарная трансгендерность», активно применяется самоопределение «квир» (а также «гендерквир»), позволяющее уйти от необходимости определять свою гендерную идентичность по заданным параметрам.

Понимание сексуальной идентичности: она также рассматривается как перформанс, как выбор, как изменяемая характеристика; можно идентифицировать себя любым образом с любыми наименованиями (в том числе предыдущего уровня, в том числе самостоятельно придуманными), можно также обозначать себя как «квир» без необходимости самоопределяться в соответствии с любыми рамками и ограничениями.

Представление о семье: расширяется практически до безграничных размеров. Семья отделяется от брака, происходит активная феминистская критика брака как института патриархата. Активно обсуждаются и практикуются полиаморные отношения, немоногамные союзы. Наличие вспомогательных репродуктивных практик расширяет возможности рождения детей в однополых семьях, трансгендерными людьми и в других случаях.

Способ мыслить: квир. Квир становится не только самоопределением, означающим отсутствие самоопределения, но и способом мышления и осмысления реальности. Мы перестаем верить, что социальная и психическая реальность устроены по каким-то общим образцам и рассматриваем все как вариации. Происходит отказ от «подгонки под норму» и критика самой идеи наличия общей нормы.

Отношение к новым знаниям о поле, гендере, сексуальности: открытое. Отсутствуют запретные области исследований,

информация научных исследований становится основой жизненных практик и наоборот.

Используемые термины и слова: одной из отличительных черт квир-дискурса является постоянное рождение новых терминов, определяющих группы и идентичности. Все термины предыдущих дискурсов также возможны, поскольку квир-дискурс не исключает предыдущие, а включает их как опции.

ВАЖНО! Каждый подход из описанных представляет собой следующий «этаж» здания гендерных знаний. Подъем по «этажам» происходит последовательно, и обычно с «первого этажа» – с позиций гетеронормативности – практически не видно «третьего этажа» – квир-подхода, его идеи кажутся ненормальными, совершенно неясными, вредными и опасными. Но с «первого этажа» при определенных условиях (просвещение, доступ к информации, общая личностная развитость) доступен переход на «второй этаж», где возможно уже хотя бы допустить существование геев, лесбиянок, бисексуальных и трансгендерных людей без страха. После того как человек «сживает» с идеями ЛГБТ-подхода, он уже может легче допустить существование еще каких-либо групп и идентичностей и таким образом плавно двигается в сторону квир-подхода.

Вернемся к поставленным нами вопросам!

– Откуда берется такое количество слов и терминов о сексуальной и гендерной идентичности? Почему их все время оказывается мало и появляются новые?

Ответ: развитие гендерных представлений в последний век движется в большом темпе, новые термины обозначают феномены, которые, скорее всего, существовали и ранее, но не были обозначены отдельно. Разнообразие человеческих идентичностей таково, что постоянно возникают новые области для исследования, осознания и обозначения, а следовательно, нам нужны новые слова, описывающие новые части социальной реальности.

– Почему в законах используются термины, которые считаются некорректными самими людьми, которых эти термины описывают? Почему мы сами считаем что-то корректным, а что-то нет?

Ответ: разные люди и разные социальные группы находятся на разном уровне понимания гендерного устройства общества и используют преимущественно терминологию того дискурса, который им доступен. В общем и целом российское общество сейчас находится на уровне перехода от гетеронормативного к ЛГБТ-дискурсу, но, например, закон «о пропаганде» является стопроцентным продуктом гетеронормативного дискурса – достаточно обратить внимание на его формулировку. Если же какие-то группы ЛГБТИК-сообщества имеют доступ к максимально новой информации и функционируют на уровне квир-подхода или даже ЛГБТ-подхода, то, разумеется, терминология гетеронормативного уровня не будет для них приемлема и будет вызывать сопротивление.

– В каких категориях я могу себя определять, нормально ли менять самоопределение и называть себя по-другому? Нормально ли иметь несколько самоопределений? Почему некоторым нужно много слов для определения себя, а другим достаточно одного?

Ответ: Вы имеете право на определение себя в любых категориях, а также на любые изменения самоопределений в течение вашей жизни. Вам может быть комфортно обозначить себя, например, как лесбиянку или трансгендерного мужчину, и этого будет достаточно. В другом случае вам, например, важно будет обозначить, что вы пансексуальная полиаморная персона с небинарной гендерной идентичностью, либо, например, агендер и асексуальный человек, либо использовать любой другой подходящий именно вам индивидуальный набор самоопределений. Некоторым людям достаточно обозначения себя в качестве квир – такое обозначение в принципе не требует каких-то дополнений, потому что подчеркивает противостояние любой нормативности в сексуальной и гендерной сфере и не приемлет названий-ярлыков. Ниже будут приведены истории, которые проиллюстрируют написанное здесь.

– Что будет зависеть от моего самоопределения?

Ответ: От вашего самоопределения и самопрезентации будет в основном зависеть, в какие социальные группы вам будет комфортно входить и с какими людьми общаться, – ведь для комфортного общения нам важен общий язык, общее понимание важных для данной группы феноменов. Возможно, будет зависеть построение личных отношений – по той же причине.

Чтобы проиллюстрировать идеи, изложенные в нашей брошюре, я попросила людей с самыми разными сексуальными и гендерными идентичностями рассказать о том, как они себя идентифицируют, что это для них означает, чем важно в их жизни и какой дорогой они шли к своим идентичностям или освобождению от них. Вы можете соотнести эти истории с информацией, прочитанной выше, если вам это будет интересно! И вы увидите также, насколько разными являются все истории и какие разные пути самоопределения пройдены их автор_ками. Можно будет увидеть, что даже если два текста подписаны идентичностью «лесбиянка», за этим будут стоять очень разные истории (и в этом плане квир-подход дает нам понять, что нет и не может быть двух одинаковых лесбиянок)!

Порядок расположения историй произвольный, но последней стоит, возможно, самая непредсказуемая из всех историй: о дороге к отказу от идентичностей в целом (что, по сути, является квинтэссенцией квир-подхода).

ИСТОРИИ

История 1.

Патриархалы часто заявляют, что феминистками, а также негетеросексуальными и трансгендерными людьми становятся те, у кого с детства не было перед глазами правильной домостроевской модели отношений. У меня она как раз была. Полная семья с типичным патриархальным распределением ролей, в которой мужчина держит общую кассу и выдаёт из неё деньги женщине на расходы. Семья не пьющая и не маргинальная. Главенствующую роль играет цыганский дедушка, ассимилированный и называющий себя русским, но сохранивший все предрассудки «русска рома» относительно женского предназначения. Патриархальные объяснения «всего на свете» снова не сработали.

В заметке для сайта «Дети-404» я писала, что меня никто не «агитировал в бисексуальность», никогда мне ничего не пропагандировал, и вообще тема секса в семье была под запретом. Но мне всегда нравились и мальчики, и девочки – возраста примерно с шестилетнего. Из-за отсутствия информации я некоторое время принимала свой интерес к девушкам за чисто дружеский, не понимая, что происходит на самом деле. Это довольно распространённая ошибка. Даже переехав в относительно большой город, я некоторое время не могла принять собственную пансексуальность. Тут сыграли роль и мои тогдашние христианские предрассудки. Сейчас я отношусь к буддистской конфессии и согласна с учителями, которые говорят, что освобождение ума в тантре порой важнее традиционной морали.

Возможно, в неусвоении мной женской социализации сыграло роль нежелание моего отца-педагога уступать матери роль главного воспитателя. Таким образом, мне навязывали идентичность покорной обслуги, но перед глазами постоянно мелькали мужчины с ярко выраженной маскулинностью. Почти все книжные героини казались скучными и беспомощными, и я, разумеется, хотела брать пример с героев-мужчин. В восемь лет я заставила себя отучиться плакать, и в результате большинство знакомых мальчишек плакало чаще, чем я.

Что касается идентичности, я всегда ощущала себя, как писали в

старинной литературе, «человеком третьего пола». В ранней юности мне, с одной стороны, хотелось стать мальчиком – из-за мужских привилегий, – но при этом не хотелось иметь мужские гениталии. Тогда – в 90-е – в областных российских городах, наверно, никто не знал слова «агендер» и понятия не имел, что многие транс-мужчины себе ничего не пришивают, а гормональное вмешательство в организм может быть достаточно щадящим. Что существуют маскулинизирующие препараты, которые усваиваются, минуя печень, и что отключить репродуктивную систему можно безболезненно и практически беспроблемно. Пожилые бывшие спортсменки рассказывали, что в 60-70-е тренеры заставляли их есть какие-то жуткие гормоны, чтобы месячные во время соревнований не наступали, и это закончилось проблемами со здоровьем, а доктрисы заявляли, что абсолютно любое вмешательство в организм несёт опасность, зато роды ни в коем случае не несут.

На фоне этого морального давления я ознакомилась с теорией транс-инклюзивного радикального феминизма: в Питере и Москве уже с 1999 года были доступны журнал «Гендерные исследования» и сборники феминистских статей, в которых упоминалась не только Мэри Дейли (известная радфем), но и Шейла Джеффрис, о которой сейчас много пишут в феминистских паблицах, но тогда мало кто знал. Таким образом, в голове у меня образовалась каша. Я решила, что я просто неконформная женщина, и если у меня не болезненные месячные, нет и не было ПМС, а мышечная масса больше, чем у многих других женщин моей весовой категории, то надо полностью принять свою телесность и гендерную идентичность. При этом я продолжала ощущать себя существом «третьего пола». Также мне была свойственна характерная и для современных радфем исламофобия, неверие в возможность исламского феминизма.

Своё тогдашнее отношение к транс-людям я считаю некорректным. Например, я разделяла транс-мужчин и женщин на «выпендривающихся» и «настоящих». К первым относил тех, кто сохранял множество феминных черт и интересов, но при этом требовал называть его мужчиной, а также людей, не желавших делать полный медицинский переход. Наверно, тут сказались годы в неформальных тусовках с их максималистичным разделением бунтующей молодёжи на true и not true. Сейчас я считаю, что феминные транс-мужчины разрушают гендерные стереотипы сильнее, чем трансфобные радфем.

В 2007–2008 годах в рунете появилось больше информации об интерсекциональном феминизме и вариациях идентичности. При всей моей тогдашней ограниченности, я сохраняла интерес к новым веяниям, и мою реакцию на книги и статьи феминисток третьей волны можно обрисовать фразой: «А что, так можно было?!»

Жаль, что я не родилась в 1990 году – мне бы удалось раньше начать небинарный переход и избежать множества ошибок. Последние годы я комбинирую гормон, убирающий менструации, с анаболическими стероидами, чтобы добиться «мягкой» андрогинизации организма. Жизнь стала намного проще – оказывается, гестоден на некоторых может действовать как антидепрессант.

Также я могу обозначить свою идентичность как *xirl*. Прочитую колонку, написанную в прошлом году для феминистского сайта «Товаришка»:

«Байнеринормативность настолько укоренена в сознании трансфобок, что они не видят разницы между агендером и транс-мужчиной. ...использование мужского рода людьми, частично относящимися к феминному спектру, расшатывает фаллологоцентрическую схему, в которой мужской род связан с насильственными цис-мужчинами. Мужской род в речи якобы тянет за собой «всё убожество» патриархальной мужской социализации, хотя те же TERF говорят, что социализация – это навсегда (и поэтому все транс-женщины – опасные «мужчины в платьях», которым нельзя доверять). Впрочем, другие TERF считают неизменной только мужскую социализацию, а вот женская сама искрошится и растает, если максимально злобно вести себя в интернете.

К чему привёл такой сценарий? Сейчас мы видим десятки TERF, без всяких мужских глаголов уподобившихся патриархальным ксенофобам, и умеренно маскулинных квилов с биологическим женским полом, поддерживающих феминизм.

Я часто пишу художественные тексты от мужского или нейтрального лица, но феминистскую публицистику предпочитаю писать от женского, потому что в такие моменты идентифицирую себя с угнетёнными. Моя социализация не была на 100% женской из-за ряда психологических особенностей и специфики окружения, но у меня всё

ещё женский паспорт: далеко не во всех странах есть возможность поменять его на другой, с «третьим гендером» – и я не могу избежать рабочей дискриминации, законодательно закреплённой в этом государстве. Поэтому я на женской стороне. Я могу назвать себя ксёрл, потому что я феминистка».

История 2.

Первый раз я влюбилась в женщину в 13 лет. В 14 лет у меня был первый секс с девушкой в пионерском лагере. После этого я вступала в сексуальные отношения с мужчинами, потому что общество вокруг меня считало, что однополый секс – это неправильно. Часть мужчин не вступали со мной в сексуальные отношения, а скорее занимали позицию покровителей, балуя меня, как ребенка; один из них назвал меня в шутку «Янка-лесбиянка», потому что отметил мое джентльменское отношение и внимание к женщинам – он называл меня «галантный джентльмен». Шуточное выражение «Янка-лесбиянка» осталось со мной по сей день!

В возрасте около 19 лет я осознала, что не могу быть с мужчинами и стала спать с женщинами. Потом у меня появился муж, который не считал мой секс с женщинами изменой, поэтому я могла иметь сексуальные отношения с женщинами и при этом предьявлять родителям замужнюю жизнь. Сексуальная жизнь с мужем при этом присутствовала и не напрягала меня. В 21 год я родила дочь, что случилось случайно, а не намеренно – я не хотела детей.

В 23 года я влюбилась в женщину, заявила об этом мужу, прекратила сексуальную жизнь с ним и имела сексуальные отношения только с любимой женщиной – которая считала себя гетеросексуальной. Дальше у меня было много женщин, сначала исключительно бисексуальных, было много «одноразового» секса с женщинами. В 25 лет у меня появилась первая женщина-лесбиянка, и я стала отстаивать права лесбиянок, я могла целоваться в метро, тусоваться «на Казани» (место «тусовки» лесбиянок в Петербурге), я стала частью сообщества и транслировала свою ориентацию. При этом я не любила слово «лесбиянка», я предпочитала говорить, что люблю женщин, хотя первый раз всерьез определила себя как лесбиянку именно в этот

период. Сейчас мое отношение к слову «лесбиянка» очень зависит от того, кто и в каком контексте его произносит. Когда о лесбиянках говорят плохо – я начинаю более открыто и выражено позиционировать себя как лесбиянку и отстаивать, что это хорошо и нормально.

В 30 лет я познакомилась с гетеросексуальной женщиной, которая была замужем, никогда не имела секса с женщинами и которой было просто любопытно получить такой опыт – она искала приключений. У нас начались сексуальные отношения, но при этом она боялась проявляться на людях – просила не держаться за руки, не целовать при людях и не привлекать к себе внимания. Она считала, что я не лесбиянка, а бисексуальная женщина – ей казалось, что я флиртую с мужчинами, хотя я это не рассматривала, как флирт, а только как дружеское отношение. Мы прожили вместе пять лет, затем еще шесть лет в гостевом браке, встречаясь по выходным и на праздниках, я все это время считала и осознавала себя лесбиянкой, но моя женщина не принимала мою ориентацию.

Сейчас я живу с женщиной-лесбиянкой, которая принимает и поддерживает меня как лесбиянку, я стала принимать участие в активностях ЛГБТ-организации и более открыто проявлять себя, потому что это нормально в моей нынешней семье.

История 3.

Я определяю себя как *demi-femme*, «полу»-женщина, в том смысле, что половина моей гендерной идентичности – женская, а половина – что-то другое. Не факт, что маскулинное, скорее мерцающее, андрогинное, нейтральное. На *demi*-феминном прайд-флаге розовые полосы, означающие феминность, чередуются с серыми, за которыми скрывается вот это плавающее гендерное мерцание.

«Серая» часть гендерного спектра оказалась – весьма неожиданно для меня – наиболее отражающей мои собственные самоощущения. «Половинчатый» гендер поставил, наконец, точку в длившейся несколько месяцев внутренней дискуссии о самой себе. Несмотря на то, что я не чувствую себя вполне женщиной, тем не менее, я ощущаю свой женский опыт – и эмоциональный, и телесный, и социальный – как основу своего «я». Кроме того, несмотря на осознание собствен-

ной небинарности, мне ни в коем случае не хотелось бы делить свою жизнь на «до» и «после», намечая границу, очерченную смену имени и фамилии (у меня и так и того, и другого по две штуки).

Самоопределение для меня – вопрос, безусловно, политический, потому что гендер – всегда политика. Поэтому мне не хотелось бы окончательно рвать с феминным гендером – ибо политики феминности занимают значительную часть моих мыслей о мире. Тем не менее, феминность (как и маскулинность, впрочем) – материя вполне зыбкая: выйдя за пределы стереотипного мышления, трудно дать ответ, что же это такое, где граница между маскулинностью и феминностью и существует ли она вообще. Небинарность – это и есть отказ от поисков этой границы, потому что границы и их охрана вообще не приносят человечеству ничего, кроме страданий и насилия.

К сомнениям в собственной гендерной бинарности меня подтолкнула рефлексия о национальной идентичности. Национальной не в смысле этнической, а в смысле гражданской – в том смысле, в котором это слово употребляется во французском и, подозреваю, в английском. В силу обстоятельств чуть больше года назад я оказалась фактически лицом без гражданства: одно утратила, другое пока не приобрела. Это оказалось по-настоящему освобождающим моментом: да, мои культурные корни тянутся из России, да, мой нынешний образ мышления сложился во Франции, да, я чаще думаю по-французски, чем по-русски, потому что этот язык лучше вмещает мои мысли, но все это не делает меня ни россиянкой, ни французенкой. Я ни то, ни другое в равной степени; моя страна – это город и квартал, в котором я живу, и я не обязана соответствовать стереотипам о русскости или французскости – так же, как не обязана и сражаться с ними.

Это осознание стало моментом потрясающего освобождения и началом большой внутренней ревизии. На определенном этапе я поняла: гендер – точно такой же конструкт, как и национальность. Да, мне исключительно важен мой женский опыт (как и моя личная постсоветская история), тем не менее, однозначная, четко очерченная рамка – это не то, что мне подходит. «Серая» часть гендерного спектра отражает то, что происходит внутри меня, гораздо полнее.

История 4.

Если выбирать заголовок для моей истории, то я бы остановилась на банальном «Знание – сила». Именно знание и понимание того, что такое немоносексуальность, помогло мне, хоть и довольно поздно, осознать собственную сексуальную идентичность. По сути, именно недостаток информации (не любой, конечно, а полной, достоверной и корректной) был причиной того, что в течение многих лет я ощущала себя уродом, фриком, развратной особой, недостойной счастья и любви.

Сколько себя помню, во мне вызывали восторг и симпатию как мальчики, так и девочки. С равным восхищением любовалась в школе одноклассниками и одноклассницами. Но в то же время у меня было четкое понимание, что девочкам должны нравиться мальчики, правильно влюбляться в них, поэтому симпатии к девочкам трактовала как дружеские (ведь это же нормально, например, любоваться волосами подруги, хотеть прикоснуться к ней или ревновать, слушая рассказы о ее парне). В середине девяностых, став студенткой и погрузившись в новый взрослый мир, я открыла для себя существование других вариантов симпатий и отношений. Оказалось, есть еще помимо таких, как я (и большинство моих знакомых и друзей), люди, называемые «геи и лесбиянки». Понятно, что себя к лесбиянкам я отнести не могла – ну и что, что мне нравятся девушки, мне приятно их целовать, я приглашаю их (абсолютно всерьез) на медленные танцы в клубах, пытаюсь ухаживать за ними? Ведь мужчины мне тоже нравятся, значит, я обычная девушка, просто очень... распушенная? Запутавшаяся? Гонюсь за модой? Должна повзрослеть?

Впервые термин «бисексуальность» я прочла в англоязычных работах о жизни и творчестве Вирджинии Вулф, которой были посвящены мои курсовые работы. Вроде бы тут-то меня и должно было осенить, но нет. Ведь в книгах было четко прописано: Вулф состояла в отношениях с женщинами неоднократно, некоторые отношения длились годами. У меня ведь не было отношений с женщинами – не то что длительных, вообще каких-либо. Я ведь не посвящала любимым женщинам романы, не писала им длинных любовных писем, разве я могла быть такой же, как Вирджиния Вулф? Хотелось быть такой же, но увы, с фактами не поспоришь. На мысли о том, что я просто очень распу-

щенная персона и вообще девочкам часто нравятся девочки, ну и что такого, я успокоилась на какое-то время и начала пытаться строить гетеросексуальную личную жизнь, настойчиво, но не особо успешно, поскольку отношения меня никогда полностью не устраивали – всегда чего-то не хватало и было какое-то непонятное ощущение вечного вранья.

Наконец, прошло еще десять лет и вот, на волне возмущения законом о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений, я начала всерьез интересоваться правами ЛГБТК-людей и заниматься неким подобием ЛГБТК-активизма. Это и стало поворотным моментом в осознании того, кем я являюсь на самом деле. К тому времени, благодаря активистам и активисткам ЛГБТК и феминистского движения, информации о немоносексуальности в Рунете было очень много, а в англоязычном интернете и того больше. Чем больше я читала о бисексуальности и пансексуальности, тем больше убеждалась в своей нормальности, адекватности и абсолютной негетеросексуальности (надо отметить, что всё это просвещение происходило на фоне довольно сильной влюбленности в особу моего пола, и впервые в жизни это ощущалось как счастье, а не уродство). Осознание того, что я не распущенная испорченная гетеросексуалка, а обычная бисексуальная женщина, было и шоком, и огромным облегчением.

Я иногда размышляю, как бы сложилась моя жизнь, если бы я прочла, услышала, узнала больше о бисексуальности не в 2010-х, а в 1990-х. Была бы я счастливее? Было бы мне легче жить? Думаю, да, и намного. Иногда от таких мыслей становится грустно, но в целом, лучше ведь поздно, чем никогда. Главный вывод, который я делаю из своей истории, – знание это действительно сила. Знание того, что помимо гетеро- и гомосексуальности есть еще огромное количество вариантов; понимание того, что идентичность не складывается только из поведенческих моделей и опыта с каким-то конкретным количеством партнеров определенного пола, – это помогло мне наконец-то ощутить себя цельной и счастливой, имеющей право на счастье и жизнь без вранья, особенно без вранья самой себе. Поэтому мне кажется очень важным, чтобы информация о разных формах сексуальной идентичности была доступна всем и без возрастных, территориальных или технических ограничений. Еще важно, чтобы каждая персона, пытающаяся осознать собственную сексуальную идентичность, могла найти среди известных, знаменитых современников и

современниц свою «ролевую модель», если ей это нужно. Любовные истории начала XX века, несомненно, прекрасны, но бисексуальный или пансексуальный каминг-аут кого-то из нынешних звезд гораздо более действенный способ узнать больше о немоносексуальности.

История 5.

– *Иди ты отсюда со своими поцелуйчиками лесбиянскими*, – сказала мне тётя Маша с выражением гадливости на лице, и с тех пор я перестала её обнимать и целовать, хотя тогда она была единственным в мире человеком, с которым у меня имелся эмоциональный контакт.

Мне было лет 13, я не испытывала ещё никаких сексуальных переживаний и не знала, как происходит даже самый базовый половой акт. Я не подозревала, кто такие лесбиянки. Но выражение гадливости на лице значимого взрослого навело меня на мысль, что этим странным длинным словом обозначили что-то скверное, стыдное.

Чуть раньше этого эпизода я перешла из школы в гимназию и вдруг всей душой возлюбила предмет, который для многих был пугающе труден, – химию. Молодая хрупкая учительница была для меня одним из главных источников радости. Мне нравилось смотреть на неё, слушать, как она рассказывает о валентности и оксидах, просто быть рядом с ней. Только лет через двадцать я пойму, что это была моя первая любовь.

В девятом классе я увлеклась литературой серебряного века. Со временем сфера моих интересов сузилась до творчества Михаила Кузмина – главного Литературного гея той эпохи. Меня завораживала его любовная лирика, мне виделась бесконечная утонченность и безграничная свобода в том, что эти стихи – о юношах. Но я не соотносила эти переживания с личным опытом влюблённости в женщину, которую на тот момент не осознавала.

На втором курсе института я познакомилась с профессоркой из США, первой открытой лесбиянкой в моей жизни. В моем чувстве к ней было больше благословения, чем любви. Но наше общение помогло мне понять, что я – как она. Что то гадкое слово на «л» – и обо мне тоже, но в этом нет ничего стыдного.

Но Мэри уехала, и я, безуспешно попытавшись построить отношения с девушкой, – со всей грацией плохо социализированного фрика – поддалась внутренней гомофобии и решила быть «не такой».

После девяти лет кошмарного брака моё тело впервые в жизни показало мне, ради чего люди занимаются сексом. Я захотела случайно встретившуюся мне женщину – и поняла, что хочу чувствовать это снова, хочу быть живой, хочу жить в соответствии со своей природой. Через год я развелась, и с тех пор иду к своей мечте – создать семью с женщиной по взаимной любви.

История 6.

Мне трудно выбрать, говорить ли о гендерных поисках, о сексуальности или о том, как я стала феминисткой, потому что все эти вещи в моей жизни оказались тесно взаимосвязаны. Поэтому я расскажу о том, как они перетекали из одной в другую, и что происходит сейчас.

Для меня все начиналось с гендерных вопросов, ещё когда мне было лет 10. Вопросы эти, как мне кажется, возникали по социальным причинам. Мне никогда не нравилась фраза «девочка должна», которую часто произносили мои родственники, отчитывая меня, когда я вдруг делала что-то, чего «не должна» была делать: произносила неприличное слово, спрашивала: «а что такое секс?», лазала по деревьям, играла в футбол, занималась карате, и т.д. Не нравилось мне и то, что я не могу быть громкой и активной, потому что мне не простят и назовут «выскочкой», а вот моему однокласснику точно простят и скажут: «какой умный и амбициозный мальчик». В школу я всегда ходила в строгих брюках и в белой рубашке (к счастью, мама покупала по моей просьбе), и за это мои одноклассники называли меня: «трансвестит». На это слово я не обижалась и даже гордилась: радовалась, что никто не говорит «девочка», потому что «девочка» в моем представлении – это было что-то глупое, слабое, пассивное, скучное. Я же хотела быть мальчиком и думала, что только они по-настоящему крутые, и мне просто не повезло родиться в женском теле.

Это желание стать мальчиком продлилось у меня до 19 лет. Особенно сильный период ненависти к себе был у меня в 17. Тогда я поступила на первый курс, заболела рассеянным склерозом и разочаровалась

в девушке, в которую была неразделенно влюблена года четыре, – и все в один год. Недавно диагностированная болезнь вызывала ещё большую ненависть к своему телу: я говорила себе, что оно отказывается функционировать нормально, потому что «женское». Помню, как мама нашла меня на полу в какой-то дикой истерике. Она испугалась и стала расспрашивать о том, что со мной происходит. Я призналась: «Понимаешь, уже много лет я хочу быть парнем». На что она спросила: «И что это значит? Что тебе девушки нравятся? Ну и хорошо, хоть не забеременеешь». «Да нет», – ответила я. – «Думаю, мне и те, и те вполне нравятся». Разговор закончился неловкой паузой, но я почувствовала поддержку, и это было очень важно.

А потом в 18 я впервые влюбилась в свою девушку, с которой мы вместе до сих пор. И первые полтора года наших отношений моё представление о женщинах постепенно менялось, во многом благодаря ей. Раньше я никогда не думала, что такая женственная девушка может быть умной, сильной и независимой личностью. А ещё она была феминисткой, и я тоже начала знакомиться с идеями феминизма и так постепенно преодолела ненависть к женщинам. Помню, однажды она дала мне почитать какой-то женский журнал, т.к. там была научно-популярная философская статья про отношение к телу. Статью я прочитала, но потом стала листать и сам журнал и рассматривать картинки с платьями, и впервые у меня стала появляться мысль: «Хм, а это бы мне пошло...». Эта мысль меня так напугала, что я даже написала своей девушке смс, над которым мы до сих пор смеемся: «Ты ведь не перестанешь меня любить, если я начну носить платья?». Ответ, конечно, был «нет».

И дальше я стала открывать для себя всякие «женские штучки». Моя девушка помогала мне впервые выбирать платья, краситься, ходить на каблуках. Где-то год я относилась ко всем этим «штучкам», как к священным ритуалам. Делая все это, я говорила самой себе и окружающим: «Я женщина». Правда, стриглась я по-прежнему коротко, и это уже был мой способ сказать: «Я лесбиянка». Ну, так я, по крайней мере, думала.

Прошло какое-то время. Я стала заниматься активизмом и все больше интересоваться феминизмом и постепенно перестала соблюдать все то, что считала священными женскими ритуалами. Ну, то есть стала относиться к ним проще. Перестала воспринимать их как символы. Я

могу носить платья и брюки, могу брить ноги и не брить, могу носить каблук и не носить, краситься и не краситься, иметь какую угодно стрижку (вот сейчас я отращиваю) – и все по настроению. После этого ощущения, что я могу делать что угодно, как угодно и быть кем угодно, я полностью приняла своё тело и искренне считаю, что оно прекрасно. Но теперь, правда, иногда возникает желание отказаться от гендерного самоопределения вообще. Выйти за пределы этих «границ», но как – я слабо представляю.

А ещё сейчас мы с девушкой находимся в свободных отношениях, и мне захотелось поэкспериментировать с мужчинами. Правда, пока что с ними все было не очень, но не из-за отсутствия влечения и интереса к ним с моей стороны, а из-за их эгоизма, из-за того, что очень часто они стремятся довести до оргазма только самих себя, не думая о партнерше. Так что считаю, что мне очень повезло, что, в основном, мне нравятся женщины, потому что иначе в 80% случаев, если бы мне вдруг не повезло найти хорошего постоянного любовника, у меня был бы скучный секс. При этом я точно знаю, что, хотя иногда я хочу мужчин, не представляю, как можно быть с ними в отношениях или, скажем, влюбиться в них. Впрочем, жизнь непредсказуема, и всякое может случиться.

И кто я теперь? Бисексуалка? Лесбиянка? Пансексуалка? Женщина? Квир? Агендер? Бигендер? Ну, по крайней мере, точно знаю, что феминистка. Хоть это успокаивает. Но думаю, что поиск идентичности может продолжаться вечно, просто потому что человек устроен сложнее, чем его попытки самого себя объяснить. И это нормально.

История 7.

В процессе самопознания мне довелось жить с такими идентичностями как «бисексуалка», «лесбиянка», «гетеросексуальный трансгендерный мужчина» и «трансгендерквир», а между ними были разные промежуточные и уточняющие варианты. Последние пару лет на вопрос о гендерной идентичности я отвечаю «отсутствует», а о сексуальной – «не определяема». Эта, казалось бы, неопределенность, к которой мне удалось прийти методом различных мысленных (и не только) экспериментов, поначалу, конечно, была мучительной, но со

временем мы с славно ней ужились.

Возвращаясь назад: разные названия для себя мне были, конечно же, нужны в какой-то момент. Когда моё собственное сознание только становилось познаваемым, оно выглядело спутанным и кашеобразным, и чтобы постепенно с этим разбираться, было необходимо раскладывать мыслеобразные кучки по категориям, ориентируясь на ту информацию о мире, что оказывается под рукой. Так собственное содержимое интерпретируется через предлагаемые миром слова, к которым прицеплена собственная куча значений. В моем случае, ради ощущения большей включенности в общую коммуникацию и безопасности, часть моего внутреннего содержимого была просто невидима, а из ощущения слабости и неуверенности внешние ориентиры и стремление «быть нормальным» становились ведущими. Если приводить конкретные примеры: я считал себя мужчиной и мне было важным, чтоб меня считывали как мужчину, что проявлялось в стремлении к мачизму, доминированию, насильственным действиям; собственное тело, воспринимаемое как женское, было мне отвратительно и ненавистно, попытки сексуального воздействия на него заканчивались весьма напряженными эмоциональными состояниями.

Постепенно продвигаясь в сторону принятия своей трансгендерности, дышать становилось легче. Затем со мной случилась квир-теория, и моя маскулинность стала осыпаться. Этот процесс был весьма тяжелым, поскольку была необходимость разобраться в наломанных дровах и понять, как дальше с этим жить, но подробно на этом моменте я не буду сейчас останавливаться. Скажу только, что идентичность, являясь опорой, является в то же время потенциальным ограничением/призмой, деформирующей восприятие реальности, и в связи с этим может иметь весьма драматичные последствия.

На месте хрупкие и сухие листики мужественности перегнили, солидно сдобрив почву питательными выводами и освободив простор для видения прочих сконструированных гендерных моделей. Из моего опыта родилась мысль о том, что гендер иерархичен в своей сути, пытаться уравнивать понятия «мужского» и «женского», которыми в нашей культуре пронизано примерно всё – дело благое, но сомнительное. Мне думается, что любые варианты названия гендерных идентичностей – компромисс, попытка расширить карту, а не переосмыслить её. У меня, тем не менее, были попытки найти себе подходя-

щее название, но ничего не находилось. Найти себе название – это как проецировать космос на плоскость: это, конечно, внесет ясность, но сути не передаст, а где-то исказит и обездвижит.

Процесс освобождения от идентичности оказался для меня весьма болезненным, было ощущение, что опереться совсем не на что, слишком всё неточно, изменчиво, несловесно, сплошной хаос и неопределенность, а телега деконструирования несётся на дикой скорости с высокого холма. Удивительно, но принятие неопределённости стало использоваться мной в качестве опоры. И здесь речь идёт о внутренней неопределённости тоже: всё может измениться, ни к чему пытаться уместить свои проявления и влечения в слова, вместо этого я могу быть более чутким к себе и другим, быть открытой и искренней, проживать весь этот космос, не довольствуясь треугольниками и кругами. Что не мешает мне эти фигуры рисовать на своё усмотрение, смешивая внешние гендерированные атрибуты, играть со словами и значениями.

Моё тело – про моё физическое воплощение вне гендера и пола; моё влечение – про разные проявления, не завязанных только на анатомии и/или идентичности; моя сексуальность – про наслаждение. Главное, чтобы всё было по осознанному и добровольному согласию.

Примечание: я не считаю, что подобная стратегия является универсальным способом достижения счастья, а также не рекомендую ходить по этой дорожке без сопровождения.

Заключение

Это редкий случай, когда нет ощущения, что какое-либо заключение требуется: изложенные выше истории настолько говорят сами за себя, что сложно сказать что-то еще. Но вот что можно пожелать всем нам свободы в квир-мышлении и внутренней работе над своими идентичностями! Важно и нужно, чтобы это приносило нам удовольствие, интерес, радость самоисследования – и при этом именно из наших индивидуальных практик будет складываться (и уже складывается) новая социальная реальность.

В данной брошюре рассматривается трансформация гендерных представлений в общественном сознании и ее влияние на становление гендерных и сексуальных идентичностей.

ЛГБТ-ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА «ВЫХОД»

Санкт-Петербург, 2018

WWW.COMINGOUTSPB.COM

